

Ярков Александр

д.и.н., профессор

Тюменского государственного университета

Тюмень, Российская Федерация

ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В СЕВЕРНОМ КАЗАХСТАНЕ И СИБИРИ ПЕРИОДА ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

ETHNO-CULTURAL SITUATION IN NORTHERN KAZAKHSTAN AND SIBERIA IN THE PERIOD OF THE GOLDEN HORDE

Abstract

The article analyzes the features of the formation of ethnic and religious communities in the natural and cultural environment of the Steppe and Siberia in the Middle Ages.

Антропологические, лингвокультурные и ментально-психологические «следы» скифских, сарматских, гуннских, кимакских, монгольских, кыпчакских племён и родов как этнических элементов на территории современной территории Северного Казахстана и соседних районов Сибири не были утрачены в период Золотой Орды. Как писал Г.Х. Самигулов, некоторые этнотермины использовались для обозначения социальных (сословных) групп, и не всегда обосновано [1, с. 142-150]. Сами кыпчакские племена могли иметь отношение к появлению разных этнонимов и политий: «Изучая письменные источники в части, относящиеся к кочевникам Дешт-и-Кипчака XIII в., мы не могли не заметить те же две тенденции: с одной стороны, нарушение старых родоплеменных отношений ... смешение различных родов и племен в результате хозяйствования монголов; с другой – выделение устойчивых образований, в основе которых, видимо, лежали общности, исторически сложившиеся ещё до завоевания, т. е. этнические общности. Взаимоотношения двух тенденций и определили тот «синтез» старого и нового после монгольского завоевания, т. е. реальную картину исторического развития номадов Золотой Орды...» [2, с. 62-63].

Понимая длительность процесса этноконфессиональной самоидентификации (он охватывал изменение ценностей, норм, мифологии и сакральных образов), будем в нашей статье руководствоваться положением А. Нойманна: «идентичность – это не данность, а отношение, постоянно формируемое и реформируемое в рамках определённого дискурса» [3, р. 349].

Также справедлива оценка: «...встреча двух цивилизаций ... всегда порождает необходимость, осмысляя неожиданное появление «чужих», связать их со своей собственной историей, найти им «нишу» в освященной традициями и религией цепочке значимых событий. В средние века только так можно было понять феномен иной культуры, попытаться предвидеть возможные последствия этой встречи» [4].

Фактор природной среды является даже более существенным, чем этническая принадлежность того или иного сообщества и культурно-исторические традиции, возникающие, в связи с этим. Применительно к анализируемому региону замечено: «численность проживающего здесь населения определялась возможностями географической среды и была оптимальной как для человека, так и для природы» [5, с. 18]. Для промысловика илиномада пространство обитания не зависит от «исконной» родоплеменных связей. Поэтому понятие «Ата мекен» не подразумевает чётко очерченных границ. Важнее – возможность быстрого сбора дикоросов, добычи зверья и рыбы, хорошего выпаса скота в течении одного-двух сезонов.

Но перемещение это не «броуновское движение». Племена на территории Степи и Южной Сибири различного происхождения занимали *свои* природные и хозяйственные ниши. Конечно, меняющаяся и/или «размытая» этничность накладывала отпечаток на самосознание индивида и восприятие племени / этноса «со стороны». По мере усложнения этнополитической структуры общества и расширения знаний о населении и регионе содержание термина «татары» менялось, приобретая в разной социальной и языковой среде новые оттенки. Укоренилось и активно использовалось, имея многозначную семантику, сводимую к смысловым блокам:

- слой тюркской военной знати, зависимой от правящей монгольской династии, но впоследствии сформировавшей мифологию о происхождении от Чингизхана;

- население Улуса Джучи (Золотой Орды). Так его употребляли арабские и тюркские источники («Государство татар», «Царство северных татар»), русские летописи, а также эпос «Идегей»;

- все жители Северной Азии – тартареи / тартары / татары. Так, в «Шейх Баховуддин шайхларнинг Гарбий Сибирдаги диний жасоратлари» сказано, что пришедшие на берега Иртыша 366 шейхов и 1 700 воинов: «язычников и татар ... перебили несметное количество», а побывавший в Северной Азии (предположительно, в 1412/1413 гг.) баварский солдат И. Шильтбергер называл территорию в соответствии со сложившейся европейской традицией не только Wissibur, но и Grossenn Thartharia;

- тюркоязычные кочевники Евразии, но в ряде случаев это: а) военное сословие, отделяемое от мусульман: «побища татар и бесермен»; б) объединяемые – «все исповедуют магометанскую веру»;

- принявшие ислам угры.

Идентичность религиозная, заметим, складывалась в процессе длительной социализации, но в ряде случаев (и не повсеместно) выражаясь ярче, чем этничность. К тому же многие этнопроцессы до Нового времени так и не вышли на «фазу стабильности»: в ряде случаев наименование этноса (например, башкиры, бухарцы) являлось сословным признаком, а часть тюрков именовала себя по тугумам. Конфессионим «мусульмане» мог бы объединить, но, как заметил А.

Леруа-Гуран, чтобы сообществу конструироваться: «...требуется длительная политическая стабильность, тем более продолжительная, чем более он велик» [6, с. 171].

Государство в глобальной исторической сущности не является средством поддержки сложившегося «классового неравенства». Это лишь база по оптимизации взаимно уравновешенных притязаний людей, пребывающих в его пределах. В связи с этим становится очевидным, что право – это не рамки (в которые нужно «втиснуть» гражданина) государства, а мера проявления частной воли, гарантированная возможностью ответственности каждого перед всеми (тугомом, общиной, уммой) и каждого перед каждым, которая осознаётся значительной частью социума.

Соответственно, законный интерес рассматривался не как придаток к праву, а как польза, которую приносит индивиду его пребывание в государстве. Причём основу реализации этой пользы определяли не столько представления индивида, сколько гарантирующие ресурсы государства. Поэтому и много позже аборигенное и коренное население с его специфической системой внутреннего управления расценивалось не в качестве объекта воздействия власти, а как «самостоятельный фактор наравне с государством» [7, с. 95].

В условиях жёсткой зависимости от природных факторов, неразвитых экономических связей примитивные политические институты, включая институт предводителей родов и племен – вождей оказывались весьма эффективными.

Определения «тюрко-исламской» и «золотоордынской» цивилизации, «золотоордынской цивилизационной зоны» и евразийской идеи не статичны, а динамичны, поскольку зависят от множества континентальных и региональных факторов [8, с. 3-39]. Фактически же они остаются лишь концептами. В этом контексте и появилось множество «сценариев» развития социумов, а также самоценного наполнения и реализации этнокультурного арсенала. Замечено, что государствообразующие «ядра везде составляли золотоордынские "татары", в некоторых случаях приобретающие и иные этнонимы (ногаи/нугай, шибанцы/шибанлыг и др.» [9].

Находясь под воздействием различных цивилизаций, степняки лишь опосредованно испытывали влияние Золотой Орды. Они жили на дальней, но *своей*, орбите. И не ощущали себя «варварами». Через диалог с *другими* культурами они развили *свои* культурные институты и ценности, укрепившие базу для сотрудничества и взаимодополнения.

На трансформацию культуры оказали внутри- и внешнеполитические факторы. Так, войдя в подчинение Орде, часть населения лесостепной зоны оказалась вовлечённой в континентальные процессы гораздо глубже, нежели в предшествующие столетия. Большая часть населения приобщилась к новой политике пассивно, в виде потребления духовного и материального продукта. Активную позицию поддерживало лишь меньшинство, занятое в сфере управления, которое местная знать осуществляла от имени политики, унаследовав

и институт тарханства [10, с. 26].

Создатели Орды опирались на военную организацию (как главную и стержневую силу), но в бóльшей степени являлись созидателями. Их реформаторский дух, выработанный на основе осознанных собственных и общественных потребностей, а также законодательства – «Великой Ясы» Чингисхана. Оно не только позволило удержать захваченные земли, но и обеспечило цивилизационный прорыв в истории этой части человечества [11, с. 13], поскольку гарантировали определённые права значительной группе людей, проживавших на этом пространстве.

При этом необходимо признать – доминировали при чёткой организации и веротерпимости тотальный террор и истребление непокорных, хитрость и жестокость. Когда же правообеспечительное управление и технологии государственного гарантирования исчерпали ресурсы (и осталось лишь принуждение) на остатках Золотой Орды удельные сюзерены смогли внушить вассалам надежду на получение выгоды от подчинения и создать для них реальность (или иллюзию реальности) взаимной пользы.

По А.Дж. Тойнби цивилизация – это культура, достигшая пределов самоидентификации¹. Рассматривая процессы на территории Степи и соседних районов Сибири в цивилизационном измерении, можно согласиться с мнением, что здесь соприкасались две различные цивилизации: одна – «биогенная», выработавшая жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; вторая – «техногенная», сравнительно молодая, быстро развивающаяся, создавшая новые орудия труда, инструменты передвижения, способы общения и проникновения в сущность явлений.

Признавая незавершённость процессов, происходивших в Степи и соседних регионах Сибири, заметим, что их не следует рассматривать только в рамках концепции «тюрко-исламской / золотоордынской» цивилизации [12, с. 154-173]. Та конструируется рядом ученых, в т. ч. с «поволжско-центристских» позиций. Для Степи и Сибири, в сравнении с Поволжьем и Крымом, характерны иные особенности:

- мифологическая система, которая вплоть до XVIII в. поддерживала у населения чёткое представление, что здесь – «край света» (для других регионов ойкумены – в абсолютной изоляции живут полулюди-полузвери, которые не обладают социальной организацией, культурой и чувством истории, а также не склонны ни к европейскому, ни к китайскому, ни к мусульманскому типам цивилизации);
- географическая отдалённость и суровый климат, огромные масштабы и малая заселённость региона, разнообразие исторических судеб, ментальностей и форм хозяйственного уклада населения, а также отсутствие постоянных этнокультурных связей и безопасных торговых путей. Это, в совокупности, не благоприятствовало

¹ Идентификация, заметим, всегда различна: на уровне личности, внутри группы (этноса или конфессии), от наблюдающих со стороны. Социум в Степи представляет собой неравновесную систему, состоящую из элементов (личностей и сообществ, связей между ними и окружающей средой, консервативных или прогрессивных убеждений и представлений), каждый из которых в процессе культуротворения вносит вклад в характеристики этой системы.

включению региона в общие процессы исламизации, политической консолидации, произошедшие в центре Золотой Орды;

- династийная система, заимствованная у монголов, функционировала лишь эпизодически, что не способствовало укреплению политических, военных, культурных и религиозных связей с другими улусами, где правили Чингизиды;

- отсутствие «трёх цивилизационных кругов», издавна включавших Северную Азию в свою орбиту, наравне с Поволжьем, ибо европейское понимание «цивилизации» не учитывает местной специфики организации и функционирования социума со слабой, но самодостаточной экономикой и властью, которая часто (и органично) объединяла кочевых и оседлых жителей вокруг городков, являвшихся кочевыми ставками правителей – иногда самозванных, назначаемых или избираемых по принципу народного представительства (прообраза демократии, но не его аналога);

- асинхронность с этническими, социальными, политическими и культурными процессами в других, порой весьма отдалённых регионах, где проживало тюркоязычное и/или мусульманское население. Притом, что контакты имели место и до периода Золотой Орды;

- тюркский субстрат в регионе антропологически, этнически, лингвистически и социально «размывался» уграми, монголами, самодийцами и др.;

- ислам не являлся господствующей, а тем более официальной (государственной) идеологией ни в одной из местных политий;

- сама государственность не имела «полноценно-золотоордынских» механизмов управления, а также военного, дипломатического и финансового обеспечения, но при этом подразумевала наличие полиэтноконфессионального состава населения, поскольку идеолого-правовое обеспечение не допускало подавления инакомыслия и притеснения «язычников».

Особо заметим, что определение «язычники» позволяет стороннику радикальных оценок «легко» трансформировать его по отношению, как к «иноверцам», так и при определении «ушедшего в ересь» единоверцев. Поиски кем-либо (в прошлом², или на современном этапе) «языческих» корней в местном варианте исповедания ислама заводят в методологический и нравственный тупик: что считать «истинной / подлинной» традицией (присущей конкретному региону или группе), а что – заимствованными (извне) элементами; как относиться к тем, кто по-иному поклоняется или совершает ритуалы; существует ли «граница» допустимого / возможного? Ответ очевиден – необходимо принять, не осуждая, но при условии, что это не разрушает гуманную сущность религиозной морали, равно как и наработанный опыт *диалога*.

На историческом пути у населения Степи и соседних регионов Сибири возникали альтернативные варианты, включая шансы приобщиться к той или иной религии³, иногда заимствуя что-либо напрямую, или переформатируя в привычные

² Для прошлого это объяснимо: для верующих – при отделении *своих* от *других*.

³ В некоторых регионах население этот шанс использовало.

образы. Захватил этот процесс и мусульман «на краю света», в чем «культурном багаже» сформировалась симбиозная модель.

В изучаемый период времени можно говорить о потребности лишь части социума в объединении вокруг идеи государственности. При этом слабо выраженное «государственное мышление» элиты нельзя расценивать как слабость или путь к объединению всех, причина которого – внешняя угроза [13].

Государство как реальная и обоснованная система возникала именно там, где у группы людей совпали представления о жизненно важном пространстве, ресурсах и связанных с ними интересах.

Часть населения оказалась занята в функционировании и обслуживании коммуникаций Великого Шёлкового пути. И преимущественно это происходило в районе Алтая, где проходил путь торговых караванов, послов и миссионеров из Европы и Центральной Азии, шедших дальше на восток.

Дороги⁴ через Степь, среднеазиатскую пустыню или по Волге не безопасны. Поэтому для путешествия в Среднее Поволжье иные купцы предпочитали использовать водный путь по Иртышу, Тоболу, Туре, Каме. Эти коммуникации использовали не только приезжие купцы: сами степняки имели торговые отношения с Европой, Китаем, Монголией, с Хорезмом, Бухарой, и через многоступенчатый обмен их продукция уже в XII – XIII вв. доходила до Китая, Тибета, Кореи, Японии, Индии.

Повышение качества коммуникативных связей, учитывая большие пространства, дисперсность расселения, экологическую ёмкость территорий и т. д., стали важнейшими факторами жизнеобеспечения. В свою очередь, это вызвало потребность в организации обслуживающих и почтовых станциях.

На месте переправ через реки возникли транзитно-торговые пункты. И не все из них – пограничные укрепления. Этим определяется «лицо» некоторых поселений с тюркоязычным населением, появившихся именно в Средние века, хотя исследователи утверждают, что некоторые поселения Золотой Орды не имели оборонительных укреплений [14, с. 289-235] вплоть до середины XIV в.

Существует множество подходов к вопросу о периодизации общества [15, с. 138], но ещё Платон в V – VI вв. до н. э. обозначил линейную схему его развития: пастухи → крестьяне → горожане. Исторический же материализм в качестве основания для периодизации определял уровень развития производительных сил. Подобное деление, по мнению Л.Е. Гринина, учитывало в большей степени производственные отношения и формы собственности на средства производства [16, с. 7].

Зарубежная теория урбанизма, как и марксистско-ленинская концепция, полагала отделение ремесла и торговли от сельского хозяйства базисом городов, отличающихся стабильностью, высокой численностью и плотностью населения, живущего по иным нормам и признающим права личности и собственности.

⁴ Дорога имела не только значение пути. Она обозначала и административно-территориальное деление в Улусе Джучи. В близком по семантике *даруга* (от монг. – стоять, возвышаться) это и совокупность податей, взимаемых с населения, и обозначение административной должности.

Эти объективные для Европы причины нельзя механически переносить на средневековую территории северной Степи (в Южном Казахстане история урбанизма иная). Здесь все занимались сельским хозяйством (в т. ч. отгонным скотоводством), торговля слаба, как и купечество (а это элита, способная к самоорганизации и инновациям). Потребности в изделиях удовлетворялись домашними промыслами, а нехватки земельных площадей вообще не существовало.

Конечно, возникавшие системы хозяйствования обеспечили базовые потребности многих, способствуя формированию социума, который сам решал свои задачи. Природа и генезис местных поселений (городков и «караванных городов») весьма отличается от западноевропейских, восточнославянских и поволжско-тюркских, в основе которых лежали задачи подчинения пространства, политические и охранительные, а также торгово-ремесленные функции. Подобные центры возникли в такой социальной и демографической ситуации, когда организация общества стала настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без каких-либо координирующих центров стала невозможной [17]. Эти обстоятельства отражены в мифопредставлениях о *первородной почве* и точно соотносятся с синергетической моделью понимания исторических процессов.

Появление городков и становление государственности раннего типа не вызвало быстрых перемен в идеологической сфере. Более того, создав поселение, местный социум не брал ответственность за его функционирование в будущем: линейная система развития, присущая европейским городам, здесь не применима.

К выводам. Не отрицая значения Золотой Орды в истории Евразии (а Степь и Сибирь её органичные элементы), определимся, что «золотордынскую культуру» нельзя признать вершиной достижений тюркского / исламского мира. Равно как не может быть правомерным её сравнение с «более развитыми и культурными народами». Культура каждой социальной, конфессиональной или этнической группы уникальна и самоценна. Соответственно, она не может иметь «вершин» и «тупиков». Исторически объяснимо лишь появление субкультур. Этот процесс логичен, а его интенсивность зависит от локальных особенностей, связанных с природно-климатическими, военно-политическими, социально-экономическими, ментально-психологическими и личностными факторами.

Список литературы

1. Самигулов Г.Х. Тюрки Зауралья: варианты идентичности (XVIII – начало XX в.) // Сибирские татары мат. Всерос. (с междунар. участием) симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири: сибирские татары», посв. 100-летию Фоата Тач-Ахметовича Валеева и 20-летию I Сибирского симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск, 2019.
2. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. – М., 1973.
3. Neumann I.B. Russia as Central Europe's Constituting Other // East European Politics and Societies. – 1993. – Vol. 7. – № 2. 30.

4. Пиков Г.Г. О восприятии средневековыми европейцами центрально-азиатских и сибирских племён в XIII в. // Сибирская заимка, URL: <http://www.zaimka.ru/kochevie/pikov2.shtml>
5. Мархинин В.В., Удалова И.В. Этнос в ситуации выбора будущего. – Новосибирск, 1993. – С. 18.
6. цит. по: Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973.
7. Конев А.Ю. Этнический фактор в формировании административно-территориальной структуры региона (на материалах Западной Сибири) // Сибирская, Тобольская, Тюменская губерния: исторический опыт и современные управленческие практики: докл. и сообщ. Всерос. науч.-практ. конф., посв. 300-летию образования Сибирской губернии. – Тюмень, 2009.
8. Ярков А.П. К вопросу о золотоордынской цивилизации: (системы оценок по отношению к Западной Сибири) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: мат. Межд конф. – Курган, 2011.
9. Исхаков Д.М. Тюрко-татарские государства XV – XVI вв. Казань, 2009.
10. История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. – Уфа, 1997.
11. Кульпин-Губайдуллин Э.С. Спор о цивилизации // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. – Вып. 1. – Казань, 2008.
12. Стенографический отчет круглого стола, посвящённого проблеме цивилизационного подхода к изучению Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация: сб. ст. – Вып. 1. – Казань, 2008.
13. Ярков А.П. О месте элиты в жизни средневекового тюркского социума // Сулеймановские чтения: мат. и докл. XIII Всерос. науч.-практ. конф. – Тюмень, 2010.
14. Рудаков В.Г. О границах Селитренного городища (по итогам археолог. разведок 2002 и 2003 гг.) // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневолжская археолог. конф. – Волгоград, 2004.
15. Альтернативные пути к цивилизации / под ред. Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева, Д.М. Бондаренко, В.А. Лынша. – М., 2000; Барг М.А. Эпоха и идеи: становление историзма. – М., 1987; Вико Д. Основание новой науки об общей природе наций. – Л., 1940; Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – Л., 1989; и др.
16. Гринин Л.Е. Периодизация исторического процесса: автореф. дисс. к. филос. н. – М., 1996. – С. 7.
17. Соболев В.И. История сибирских ханств (по археолог. материалам). – Новосибирск, 2008. – С. 49; Халиков А.Х. Ислам и урбанизм в Волжской Булгарии // Биляр – столица домонгольской Булгарии. – Казань, 1991. – С. 58; Хузин Ф.Ш. Итоги и перспективы изучения болгарского домонгольского города // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. – Казань, 1993. – С. 6; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. – Л., 1988. – С. 29.